

Не Чжэн обронил «не стоит благодарности» вовсе не ради красного словца. Он слишком привык к заискиванию самых разных людей, чтобы не заметить фальши в поведении Тун Яня. Юноша был ещё совсем молод, и его скованность выглядела вполне естественно. Вот только Не Чжэну претило это вечное стремление выслужиться перед ним, точно перед строгим боссом. Сказать об этом прямо было бы грубо и обидно, поэтому он предпочёл выразить свою мысль в мягкой, ненавязчивой манере.

К тому времени как с птицей было покончено, вернулась сиделка, присматривавшая за старушкой. Не Чжэн велел Тун Яню передать ей тушку, а самому парню кивнул:

— Иди умойся и присаживайся отдохнуть.

Тун Янь вздохнул с облегчением, точно приговорённый к помилованию. Он сполоснул лицо, отряхнул мокрые ладони и вернулся к каменному столу.

Не Чжэн тем временем вернулся к своему плетению. Настроение у него явно улучшилось. На мгновение оторвавшись от работы, он бросил на юношу короткий взгляд:

— Часто помогаешь по хозяйству?

Тун Янь всё сразу понял. Выходит, господину Не по душе усердные и работающие парни? Что ж, тут он случайно попал в самую точку. Поистине, пути сильных мира сего неисповедимы.

— Да так, — отозвался он с лёгкой улыбкой. — Помогаю по мере сил, когда время есть.

К его удивлению, Не Чжэн даже пошутил. Едва заметно кивнув, он произнёс с явным одобрением:

— Да уж. Сноровки тебе не занимать.

Напряжение, ещё недавно висевшее между ними тугой струной, бесследно растаяло. Атмосфера сделалась на удивление непринуждённой, и от этой внезапной перемены Тун Янь растерялся ещё больше.

Подперев подбородок ладонью, он молча наблюдал за своим загадочным покровителем.

Сегодня на Не Чжэне была простая светло-голубая рубашка. Закатав рукава, он обнажил крепкие предплечья. В его облике не осталось и следа привычной ледяной безупречности — лишь редкая, умиротворяющая неспешность. Слегка подавшись вперёд и уперев локти в колени, он тонкими, сильными пальцами бережно расправлял упругие прутья, переплетая их один за другим. В движениях этого обычно сурового и властного мужчины сквозило удивительное изящество.

Сквозь густую листву виноградных лоз на веранду пробивались тёплые золотистые лучи. День выдался на редкость погожим.

Удивительно, но даже спустя много лет Тун Янь до мельчайших подробностей помнил эти мгновения. Не Чжэн молчал, молчал и он сам, а время бесшумно утекало сквозь пальцы. Лишь годы спустя он осознал: это и была та самая ускользающая гармония жизни, тихая и безмятежная.

Но в свои восемнадцать Тун Янь не умел ценить подобные эфемерные вещи. Юность для него была синонимом легкомыслия, суеты и жажды скорой наживы. Сердце его оставалось глухо к настоящим чувствам. Не Чжэн сдал ему на руки идеальные карты, а он ухитрился бездарно проиграть всю партию. Собственными руками превратил потенциального покровителя в форменного садиста, обрекая себя на роль покорной жертвы.

Вот и сейчас, стоило им немного разговориться о всяких пустяках, Не Чжэн обернулся и застал Тун Яня за тем, как тот лениво почёсывал шею, склонив голову набок. Мужчина замер, не сводя с него глаз.

Юноша недоумённо моргнул. Заметив его замешательство, Не Чжэн коснулся собственной шеи слева:

— Вот тут. Кровь не смыл.

Тун Янь тут же плеснул на ладонь немного тёплого чая из пиалы и провёл рукой по шее.

— Мимо, — качнул головой Не Чжэн, не отводя взгляда. — Чуть выше.

Тун Янь вспомнил, что именно в том месте у него красовалась крошечная алая родинка, которую господин Не вряд ли замечал раньше. В голове мгновенно вспыхнула шальная мысль: какая разница, кровь там или родинка? Это же идеальный предлог для тактильного контакта! Упускать такой шанс нельзя.

Нарочно обходя нужное место стороной, он прижал пальцы чуть в стороне от уха:

— Здесь?

— На палец вперёд.

— А теперь?

Тун Янь усердно размазывал воду по коже, пока вся шея не взмокла. В конце концов Не Чжэн не выдержал, отложил прутья и нетерпеливо махнул рукой:

— Подойди.

Внешне парень оставался совершенно спокоен, но в душе ликовал. Шея! Какая интимная зона!

Он послушно придвинулся ближе и уставился на Не Чжэна преданным взглядом, напоминая ластящегося кота, который ждёт, когда его погладят.

Серые, с холодным стальным отливом глаза Не Чжэна оставались бесстрастными. Он мягко, но уверенно коснулся кожи пониже уха Тун Яня и аккуратно провёл пальцем.

От прикосновения суховатых, тёплых и слегка шершавых подушечек пальцев Тун Яня прошиб мощный электрический разряд. По телу прокатилась волна сухого, обжигающего жара, мгновенно прилившая к лицу. На этот раз он не притворялся — едва удержался, чтобы не отпрянуть. По натуре Тун Янь был бесстыдником из бесстыдников, но вот кожа у него была на редкость чувствительной. Тонкая, бледная, она моментально выдавала любое волнение предательским румянцем.

Достаточно было пары прикосновений, чтобы щёки юноши залила густая краска. Уголки его глаз влажно заблестели, ресницы мелко задрожали, а мочки ушей стали пунцовыми.

Не Чжэн промолчал. В наш век доступной информации даже самый воздержанный мужчина прекрасно знал, что шея для многих — зона весьма деликатная. Но он не ожидал, что Тун Янь отреагирует настолько бурно. Видимо, эта чувственная порочность действительно проросла в парне до самых костей.

Взгляд Не Чжэна мгновенно остыл. Он отнял руку, смахнул с пальцев влагу и ровно произнёс:
— Надо же, просто родинка.

Мужчина откинулся на спинку стула. Резкие тени пролегли на его лице, вновь превращая его в недостижимого, холодного и спокойного господина Не.

Голова у Тун Яня шла кругом. Отводя взгляд от мужчины, он украдкой отёр со лба испарину.

«Твою же мать... Неужели эта чертовщина с чувствительностью срabатывает даже с мужиком?»

Поездку можно было бы назвать вполне удачной, если бы не тот факт, что коварные замыслы Тун Яня вновь потерпели фиаско. Не Чжэн приехал на массивном внедорожнике, а складной велосипед парня без труда уместился в просторном багажнике. После обеда они отправились в обратный путь.

Когда машина миновала окраину посёлка и выехала на трассу, Не Чжэн спросил:

— Куда тебя подбросить?

Из-за раннего подъёма Тун Яня клонило в сон. Вечером предстояло отрабатывать смену в клубе, и тратить драгоценное время на дорогу туда и обратно не хотелось. Проще было

завалиться поспать прямо в гримёрке заведения до открытия. Быстро прикинув маршрут, он вспомнил, что на въезде в южную часть города есть неплохая ремонтная мастерская, и назвал Не Чжэну адрес.

Указанная улица находилась на самой окраине. Не Чжэн нахмурился, решив, что парень просто скромничает и не хочет его обременять:

— Домой ехать не собираешься?

Сказать правду Тун Янь не мог. В его контракте чёрным по белому значилось: стажёрам строжайше запрещено участвовать в любых коммерческих и любительских выступлениях без письменного согласия агентства. И пускай руководство плевать на них хотело, а сам он нарушал условия лишь ради того, чтобы не протянуть ноги с голоду, — этот негласный паритет устраивал всех. Но выкладывать такие подробности Не Чжэну, когда он ещё даже не подобрался к его постели, было бы верхом глупости. Так можно не только покровителя лишиться, но и нажить себе кучу неприятностей с агентством.

Поэтому он на ходу сочинил ложь:

— Нужно заскочить к приятелю.

Не Чжэн лишь сдержанно кивнул и больше ни о чём не спрашивал. Но когда они приехали и Тун Янь полез в багажник за своим нехитрым скарбом, мужчина тоже вышел из салона. Он выудил из глубин багажника большой чёрный зонт-трость и протянул парню:

— Погода портится. Возьми.

Это был уже второй раз, когда Не Чжэн делился с ним зонтом. Тун Янь окинул взглядом небо и только сейчас заметил, что от недавнего яркого солнца не осталось и следа — горизонт стремительно затягивало тяжёлыми, свинцовыми тучами.

Возможно, из-за чувства вины за недавнее враньё он не стал кривляться и ломаться. Парень молча принял зонт и тихо, искренне поблагодарил.

Но едва Не Чжэн повернулся, собираясь сесть в машину, в Тун Яне вновь проснулся инстинкт прожжённой кокетки.

— Господин Не, а как мне вернуть его вам? — угодливо спросил он, надеясь выманить личный номер телефона. Должна же быть связь на случай, если у босса проснётся к нему интерес.

Не Чжэн обернулся. Вместо ответа он лишь едва заметно улыбнулся. Его строгое, словно высеченное из камня лицо вмиг преобразилось, смягчившись неожиданной, обволакивающей теплотой, похожей на дуновение ласкового морского бриза.

Взявшись за ручку дверцы, он помедлил, нырнул на секунду в салон и, выпрямившись, бросил

Тун Яню какую-то безделушку:

— Держи. Будет тебе забава.

Юноша едва успел поймать сувенир. Это была аккуратная плетёная рыбка из лозы размером чуть больше кулака — та самая, которую Не Чжэн мастерил сегодня днём на веранде.

«...» Ну надо же! Он действительно держит его за несмышлёныша? Вот только Тун Янь прекрасно понимал, что на роль невинного ребёнка он никак не тянет. Он был скорее демоном из древних сказок, крадущимся во тьме ради того, чтобы заполучить лакомый кусочек плоти праведника.

Проводив взглядом стремительно удаляющийся внедорожник Не Чжэна, Тун Янь дождался, пока тот скроется за поворотом, подкатил велосипед к придорожной мастерской и споро разложил инструменты.

Пожилой мастер, сидевший неподалёку на низком табурете и дымивший дешёвой сигаретой, расплылся в улыбке и уже поднялся навстречу клиенту. Однако парень проигнорировал его, опустил на корточки и принялся сам крутить гайки припасённым ключом.

Старик недовольно хмыкнул:

— Слышь, малец, ты такой франт смазливый, а у деда кусок хлеба отбираешь? Сам, что ли, ковыряться будешь?

Тун Янь нагло усмехнулся:

— А мне в радость!

Красота и молодость — великая сила? Если они не приносят реальной выгоды, грош им цена. Тун Янь понимал это лучше других. С его положением сомневаться в собственном решении пойти по скользкому пути соблазна мог только законченный дурак.

Быстро управившись с поломкой, он убрал ключи в рюкзак и наткнулся взглядом на изящную длинную коробочку, сиротливо лежащую в боковом кармане. Плетёная рыбка, оказавшись рядом с этим дорогим подарком через тонкую перегородку ткани, смотрелась нелепо и чужеродно.

«Ладно, — решил он. — Раз уж так совпало, отдам её сегодня. И плевать на сон».

Тун Янь резко застегнул молнию, закинул рюкзак за плечи, оседлал велосипед и изо всех сил нажал на педали, устремляясь навстречу нарастающим порывам ветра.

В свои восемнадцать он и сам не понимал, откуда в нём эта отчаянная спешка. Ему казалось,

будто он пытается поскорее распрощаться с чем-то важным, вернув чужую вещь туда, где ей самое место. Обычная курьерская доставка обошлась бы в сущие копейки, но он предпочёл сам крутить педали почти целый час. С другой стороны, время, как и привлекательность, не имело ценности, если не приносило прямой выгоды.

К тому моменту, когда над головой сгустились грозовые тучи, а впереди показались элитные высотки жилого комплекса «Озёрный», Тун Янь взмок до нитки. Поразительное совпадение: не доезжая каких-то десяти метров до главных ворот, он заметил Е Линьлан. Эта наивная девица безмятежно вышагивала под ручку со своей матушкой, которую за глаза все звали не иначе как свирепой тигрицей.

Спрятавшись за павильоном автобусной остановки, Тун Янь дождался, пока они перейдут дорогу, и только тогда резко выкатился к воротам. Притормозив у будки охраны, он достал подарочную коробку и обратился к дежурному:

— Уважаемый, сделай доброе дело, передай вон той девушке.

На той стороне улицы Е Линьлан с матерью как раз подходили к дверям супермаркета. Заметив, что охранник сомневается, Тун Янь приподнял крышку, демонстрируя шпильку из чёрного дерева с сиуяньским нефритом:

— Всё чисто, никакого криминала.

— Ишь вы, школота, — добродушно проворчал мужчина, но коробку всё же взял. — Столько сложностей из-за девчонки. Сам бы подошёл да отдал.

Спорить и что-то объяснять у Тун Яня не было ни малейшего желания.

— Спасибо, выручил. Скажи только, что парень передал. И ни слова о том, как я выгляжу.

Несмотря на напускное безразличие, уходить сразу он не решился. Отойдя к остановке, Тун Янь затаился в тени навеса, наблюдая за входом.

Вскоре Е Линьлан с матерью вышли из магазина. Глядя на беззаботное, сияющее лицо девушки, Тун Янь в очередной раз покачал головой. И дёрнул же её чёрт устроить на день рождения костюмированную вечеринку в традиционном стиле! Раз уж решила податься в актрисы, пускай привыкает — в будущем на съёмках в сорокаградусную жару ей придётся натягивать на себя по пять слоёв шёлка. Но больше всего его поражало то, что единственным человеком, искренне полюбившим его за все эти годы, оказалась именно эта наивная глупышка.

Эта нефритовая шпилька в виде лотоса стоила ровно половину его гонорара за последние съёмки. Отличный способ вернуть долг вежливости и поздравить её с совершеннолетием. Пусть порадуется. Но упаси бог думать, будто он способен стать героем её девичьих грёз. Он никогда не был и не будет наивным принцем.

Прислонившись плечом к рекламному щиту, он терпеливо ждал, пока Е Линьлан подойдёт к воротам, пока охранник окликнет её и протянет заветный футляр.

Ну вот и всё, миссия выполнена, можно со спокойной совестью убираться восвояси. Однако Е Линьлан вдруг замерла, завертелась по сторонам и с какой-то отчаянной, пронзительной надеждой крикнула на всю улицу:

— Тун Янь!

Её взгляд почти сразу зацепился за знакомый силуэт у остановки, и она бросилась к нему:

— Тун Янь! Я знаю, это ты!

Чёрт! Этого ещё не хватало.

Тун Янь натянул на голову капюшон куртки и спешно развернул велосипед. Но не успел он съехать с бордюра, как девичий голосок раздался прямо за спиной:

— Тун Янь!

Пришлось затормозить.

Е Линьлан тяжело дышала, в уголках её глаз блестели слёзы, но на губах играла робкая улыбка.

Тун Янь нацепил самую невинную мину:

— Какая встреча.

«Буду отпираться до последнего, — подумал он. — Не пойман — не вор».

Слезинка покатилась по её щеке:

— Я же знаю, что это ты. На свой праздник я звала только тебя одного.

Ох уж эта девичья проницательность, просыпающаяся в самый неподходящий момент. Тун Янь опёрся ногой о тротуар, уныло огляделся по сторонам и нехотя признался:

— Ладно, раскусила...

— Что ещё за «ладно»?!

Тун Янь обернулся и мысленно выругался — к ним уже спешила мать Е Линьлан. Дело дрянь.

«Свирепая тигрица» бесцеремонно схватила дочь за руку, оттаскивая назад, и яростно уставилась на парня:

— Опять ты! Молокосос, а уже насквозь гнилой! Хоть бы на себя в зеркало глянул, прежде чем к порядочным девочкам соваться. Ни ума, ни совести, болтаешься по улицам без дела и только и думаешь, как мою дочь с пути истинного сбить!

— Мама, перестань! — разрыдалась Е Линьлан. — Никого он не сбивает! Он работает, в кино снимается. И мы просто дружим!

— Друг?! Да ты хоть знаешь, из какой он семейки? Чистая, приличная девочка не должна даже стоять рядом с таким отребьем!

С этими словами женщина вырвала из рук дочери коробку и с силой швырнула её на асфальт.

Раздался резкий хруст. Футляр раскрылся, и шпилька вылетела наружу. Нефритовый лотос разлетелся на мелкие осколки, превратившись в грудку бесполезных дешёвых камней.

Тун Янь молча развернулся. Ему хотелось верить, будто он сдерживается лишь из жалости к плачущей Е Линьлан. Однако педали крутились с таким трудом, словно их налили свинцом. Кое-как преодолев пару метров, он с горечью осознал: у него просто не осталось сил на злость.

Всхлипывания Е Линьлан раздавались всё ближе. Девушка бежала следом за его велосипедом:

— Тун Янь, подожди!

Оглянувшись, он увидел, что разъярённая мамаша тоже не отстаёт, готовая вцепиться ему в глотку.

— Возвращайся домой, глупышка, — негромко бросил он и резко нажал на педали, устремляясь вперёд. — Цени то, что имеешь!

Мать наконец утащила плачущую дочь назад. Лишь добравшись до перекрёстка, Тун Янь остановился, чтобы перевести дух. Нависшее над городом небо казалось тяжёлой, раскалённой крышкой, а снующие по улицам прохожие напоминали безликие пельмени, медленно варящиеся в этом душном котле повседневности.

Он и не подозревал, что несколько минут назад из припаркованной на обочине машины за всей этой сценой внимательно наблюдал посторонний, фиксируя на камеру каждую деталь их стычки. Теперь этот автомобиль неторопливо ехал следом за ним.

Машина бесшумно притормозила у тротуара. Дверца распахнулась, и наружу выбрался мужчина средних лет.

— Эй, парень! — окликнул он Тун Яня. — Ты актёр, что ли? Контракт с агентством есть?

Тун Янь, и без того едва сдерживающий ярость, зловеще прищурился:

— Тебе чего надо, мужик?

Тот похлопал себя по карманам пиджака, но ничего не нашёл:

— Чёрт, визитки в офисе оставил. Про режиссёра Лю Юйфэна слышал? Он сейчас новый проект запускает, а я у него вторым режиссёром тружусь. Мы никак не можем найти актёра на одну сложную роль. Я сейчас за твоей сценой понаблюдаю — слушай, вылитый наш персонаж! Как насчёт того, чтобы прийти на пробы?

Надо же, какая птица высокого полёта! Сам Лю Юйфэн. В его картинах даже на крошечные эпизоды актёров пропихивают богатые спонсоры за огромные деньги.

Окинув презрительным взглядом дешёвую развалюху собеседника, Тун Янь сразу раскусил дешёвого прохвоста. Однако подыграл ему, вальяжно облокотившись на руль:

— И какие же требования к кандидату?

Мужчина сально ухмыльнулся, сделав особый акцент на последних словах:

— Самое главное — парень должен быть покладистым. И... сговорчивым. Понимаешь, о чём я?

«Так и знал, — мысленно усмехнулся Тун Янь. — Очередной озабоченный делец вышел на охоту».

— Сговорчивым, значит? — протянул он с ленивой улыбкой.

— Ну а как же, — заговорщически подмигнул тот. — Правила шоу-бизнеса просты, сам должен понимать.

Не успел мужчина договорить, как Тун Янь мёртвой хваткой вцепился ему в воротник и рывком швырнул прямо в колючую живую изгородь. Тот с воплем повалился на кусты, а юноша с размаху впечатал подошву ему в грудь:

— Пошёл нахуй со своей сговорчивостью, ублюдок! Нашёл дурака!

Для верности он добавил ещё один увесистый пинок по рёбрам застонавшего проходимца.

Наверное, виной всему была эта удушливая погода — даже хорошая драка не принесла облегчения. Свинцовые тучи опустились так низко, что, казалось, вот-вот раздавят город, погрузившийся в сумрачные серо-стальные тона.

Тун Янь яростно крутил педали, спеша укрыться от надвигающегося ливня в стенах клуба. Он поднял голову: впереди, пронзая облака, высилась громада главного городского небоскрёба.

Его собственные мечты о лучшей жизни сейчас казались точной копией этого колосса. Снизу кажется, что до вершины рукой подать, но стоит начать долгий путь пешком через бесконечные серые кварталы, как понимаешь, насколько эта цель далека и недостижима.

В кармане куртки назойливо завибрировал мобильник. Выругавшись, парень прижался к обочине и вытащил аппарат. На экране высветилось имя звонившего.

«Надо же, Белый цветок пожаловал», — мысленно хмыкнул он.

Что ж, отличный повод сорвать на ком-нибудь злость. Сяо Байхуа сам напросился.

<http://bllate.org/book/18307/1755427>